

Громыко Ал.А.

Дипломатия позитивного действия*

Будущее мировой архитектуры безопасности и системы контроля над вооружениями находится в самом неопределенном положении за последние 30 лет, со времени окончания холодной войны¹. Эпоха холодной войны относится к той категории проблем, которые считаются хорошо изученными и представляются для многих исчерпанными с позиций научного интереса. На деле же ее история полна белых пятен, не хватает ей и должного концептуального осмысления. Объяснить это можно и тем, что многие документы того времени еще недоступны и тем, что в 1990-х годах, когда казалось, что холодная война окончательно ушла в прошлое, интерес к ней резко снизился. Более того, в общественном мнении постперестроечной России, охваченной ожиданиями светлого будущего, холодная война вместе со всем советским периодом зачастую воспринималась как некая историческая аномалия, а, следовательно, с точки зрения исторических закономерностей не представляла большого интереса. Многие крупные работы, основанные на новых архивных документах, появились значительно позже [8; 18; 19].

В последние годы, напротив, интерес к истории противостояния СССР и США резко вырос, что сопровождается весьма вольным использованием исторических аналогий и термина «новая холодная война». С позиций историзма последний оказался вреден, потому что выхолащивает природу классической холодной войны, превратно объясняет современные процессы в международных отношениях. Это несколько не умаляет значения изучения эпохи «холодной войны» и для чисто исторической науки, и для учета опыта прошлого при решении текущих мировых проблем.

Сегодня приходится констатировать, что наследие опыта взаимодействия двух сверхдержав и достижения стратегической стабильности в 1960-1980-е годы почти полностью исчерпано. Ушли в прошлое Договор о противоракетной

* Материал основан на статьях Ал.А. Громыко, опубликованных в журнале «Новая и Новейшая история», 2019, № 5 и в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 2019, № 10.

¹ Термин «холодная война» впервые употребил Джордж Оруэлл в октябре 1945 г. в статье «Ты и атомная бомба» (*Orwell C. You and the Atomic Bomb // The Tribune. 19.IX.1945*). Затем его стали использовать Б. Барух, у. Липпман, Дж. Ф. Даллес и др.

обороне 1972 г. и Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г.¹, свои последние недели доживает договор о ликвидации ракет малой и средней дальности 1987 г. Под угрозой находится Договор о стратегических наступательных вооружениях 2010 г. (СНВ-3), действие которого истекает в 2021 г. Очередной жертвой глубокого кризиса культуры и практики стратегической стабильности и учета ведущими государствами интересов друг друга может стать еще одна гарантия против ничем не ограниченной гонки вооружений в области оружия массового уничтожения - Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.

Факторов, объясняющих такое плачевное состояние дел, много. Большое значение имеет состояние умов в администрации Д. Трампа, как и мышление самого американского президента, для которых выход или угроза выхода из двусторонних и международных соглашений по контролю над вооружениями и не только - не переговорная позиция, а стратегическая и давняя цель, уходящая корнями в идеологию американского неоконсерватизма. В свете этого ссылки, например, на нарушения Россией ДРСМД предстают очевидным предлогом для выхода из этого соглашения, а не его причиной.

Огромную роль играют масштабные и объективные процессы, в первую очередь становление полицентризма и новое перераспределение сил в мире. В нем нарастают конкуренция и противостояние, что требует, с точки зрения сторонников ставки на жесткую силу, полной свободы рук в военной области. В эпоху «холодной войны» вся архитектура стратегической стабильности основывалась прежде всего на учете интересов двух сверхдержав. Теперь же число игроков в этом вопросе значительно увеличилось; в первую очередь речь идет о Китае. Важный фактор - появление и внедрение новых систем и видов вооружений, как ядерных, так и обычных, а также кибертехнологий, которые стали «новыми вводными» для традиционной системы контроля над вооружениями, требующими её адаптации. На прогрессирующий развал архитектуры мировой стабильности влияет и внутривнутриполитическая ситуация в ряде стран, в первую очередь в США, где международные вопросы во многом оказались в зависимости от фронтального противостояния части американского политического истеблишмента с президентом Трампом.

Важным фактором в условиях углубляющегося полицентризма является рост числа трансрегиональных игроков, претендующих на часть ответственности за состояние дел в мире до тех пор, хотя это пока и не ведёт к стабилизации системы глобального управления. Китай идет по пути превращения в сфере вооружений в третью сверхдержаву. По понятным историческим причинам он не имеет отношения к договоренностям об ограничении противоракетных систем, стратегических наступательных вооружений, ракет малой и средней дальности. Политика Европейского союза, будучи мощным экономическим игроком, в вопросах деградации системы стратегической стабильности пассивна и невнятна. ЕС, заявляя о курсе на «стратегическую авто-

¹ Переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе начались в октябре 1973 г.

номии», не занял вразумительной позиции в ответ на решение США выйти из договора по ПРО, а теперь и из ДРСМД. Более того, он предпочел в целом повторять американские доводы, оправдывающие решения Вашингтона. В целом Брюссель находится под влиянием антироссийских и антикитайских настроений, охвативших Америку. На фоне этого возникла опасность повторения в том или ином виде событий первой половины 1980-х гг., связанных с размещением в Европе ракет малой и средней дальности в ядерном оснащении. При этом ничего напоминающего антивоенное движение того времени теперь не просматривается.

В последние годы, в связи с кризисом в отношениях между Россией и западными странами, широко обсуждается тема «новой холодной войны». В свете этого актуально обращение к истории классической холодной войны. Точки зрения разнятся по вопросам хронологии ее начала и завершения, так и внутренней периодизации [2; 3; 4]. В большинстве случаев специалисты, расходясь незначительно в вопросах хронологии, относят начало холодной войны ко второй половине 1940-х гг., а ее окончание к концу 1980-х - началу 1990-х гг. Категория «холодная война» многие десятилетия служила несущим аналитическим каркасом исследований послевоенной истории, была общепринятой сутью отношений между двумя сверхдержавами и возглавляемыми ими организациями на всем протяжении послевоенной истории вплоть до крушения Советского Союза.

О начале холодной войны

В дискурсе о начале холодной войны, как хорошо известно, существуют разные мнения, которые в основном ориентируются на небольшой временной разброс. Чаще всего точкой отсчета служит 1945 год, точнее - испытание в США атомной бомбы в июле и окончание Второй мировой войны в сентябре. Эта позиция исходит из имманентной природы холодной войны: как только общий враг был повержен и заинтересованность в жизненно-важном сотрудничестве пропала, холодная война стала неизбежной, а изобретение нового вида оружия лишь ускорило ход событий в этом направлении. Из такой интерпретации причинно-следственных связей, привязанной к появлению и состязанию двух сверхдержав, следует, что холодная война началась в 1945 г. [5: 36-52] и закончилась в 1991 г. с развалом СССР [5:19-43].

Другой подход опирается на тезис о том, что с окончанием Второй мировой войны холодная война между США и Советским Союзом / Россией не началась, а возобновилась, уходя своими корнями в 1880-е гг. [6: 2-3]. Другими словами - дело было не в непримиримом соперничестве двух сверхдержав, а в извечной геополитической борьбе. Более умеренный вариант таких рассуждений представляет характеристика Русской революции 1917 года,

¹ О позиции автора о несостоятельности концепции «новой холодной войны» и о современной историографии этого вопроса см.: [1: 6-12].

положившей начало разделу мира на два противоположных лагеря как исток противостояния между миром капитализма и миром социализма [7:175]. Таким образом, хронологическая граница начала холодной войны отодвигается с 1945 до 1917 г.

Другие историки в качестве отсчета начала холодной войны берут события послевоенных лет, непосредственно следующих за годом Победы. При возложении ответственности за начало холодной войны на США - это «длинная телеграмма» Дж. Кеннана в феврале 1946 г., речь у. Черчилля в Фултоне в марте того же года, доктрина Трумэна [8: 140], объявленная в марте 1947 г., создание НАТО в 1949 г. и т.д. Конечно, как правило, говорится о том, что холодная война была запущена в результате ряда событий, произошедших в течение определенного промежутка времени [7: 174-209]. Действительно, было бы неисторично абсолютизировать значение лишь одного явления в раскачивании моховика холодной войны. Например, речь Черчилля в Фултоне на деле не привела к разрыву между недавними союзниками. СССР жестко отреагировал на нее, но, тем не менее, Сталин продолжил личную переписку с Трумэном, направив ему письмо с возражениями. Американский президент не проигнорировал его, более того, предложил Сталину прибыть в США и выступить со своей речью [6: 55]. После этого переписка между Сталиным и Трумэном или общение через третьи лица об организации встречи на высшем уровне продолжалась вплоть до февраля 1949 г. [7:177-180].

В те же годы партнерские по отношению к Советскому Союзу заявления ещё продолжали звучать от разных высокопоставленных американских политиков, например, Дуайта Эйзенхауэра [9: 363]. Но даже много позже 1949 г. были моменты, которые теоретически могли помочь отыграть назад или затормозить негативное развитие событий. Например, к ним относится предложение советской делегации на совещании глав правительств СССР, США, Англии и Франции в Женеве в 1955 г. о готовности Советского Союза вступить в НАТО. А. А. Громыко, в то время первый заместитель министра иностранных дел СССР, вспоминал о том, насколько ошеломляющее впечатление оно произвело на западных участников, а также отмечал, что и тогда, и позже они его чурались и всячески замалчивали [9: 365-366]. Здесь напрашивается ряд более поздних аналогий, в том числе замалчивание предложений России об обсуждении проекта Договора о европейской безопасности, выдвинутого в 2008 г.

Несомненны достоинства социологического подхода, при котором возникновение феномена холодной войны ставится в зависимость от его широкого проникновения в массовое сознание. Анализ опросов общественного мнения тех лет показывает лавинообразный характер распространения анти-советских настроений в западных странах с весны 1946 г. [8:156]. Подтверждают эти выводы и свидетельства очевидцев изменения образа СССР в США в то время [7: 183]. Иной вопрос - были ли эти представления результатом манипуляции массовым сознанием или отражали объективные процессы в международных отношениях.

При возложении ответственности на СССР чаще всего указывают на военные амбиции Москвы в отношении Ирана, её территориальные претензии к Турции, Берлинский кризис 1948 года, советизацию стран Восточной Европы или личные качества непосредственно Сталина [10]. Очевидец и участник многих ключевых событий в международных отношениях тех лет А. А. Громыко считал, что речь Черчилля явилась открытым провозглашением холодной войны, которая, однако, вызревала до этого, в том числе в связи с монополией США на атомное оружие [11:11]. Одновременно Громыко не абсолютизировал значение выступления Черчилля. В главе его книги воспоминаний, посвященной холодной войне, он вовсе не упоминает английского политика, делая упор прежде всего на активность американских деятелей. Среди персоналий, внесший наибольший вклад в раскручивание холодной войны как в информационном, так и в политическом плане, он в первую очередь отмечает Уолтера Липпмана, Дина Ачесона, Джона Фостера Даллеса и др., а среди ключевых дат ее отсчета - апрель 1949 г., когда появился Североатлантический альянс [9: 358-361, 381-388]. Многие знатоки того периода истории признают ответственность обеих сторон за развязывание холодной войны, хотя это не отменяет вопрос - кто сделал первый шаг [12: 31-66]?

Закончилась ли холодная война?

Что касается дискурса об окончании холодной войны, то и в этом случае разброс мнений достаточно широк, но хронологические рамки также невелики. Наиболее общеприняты тезисы о нескольких моментах в истории, положивших конец холодной войне: ряд событий периода 1988-1990 гг. [13] ; совещание СБСЕ и принятие Парижской хартии в ноябре 1990 г. [14] и, как было отмечено выше, распад СССР (декабрь 1991 г.). Патриарх американской дипломатии Г. Киссинджер отдает должное ловкости Буша-старшего, политика которого «привела к завершению холодной войны». Киссинджер оценивает конец 1980-х гг. как время, когда холодная война «близилась к концу», но из его рассуждений следует, что окончательная точка в её истории все же была поставлена крушением Советского Союза [15:402-409].

Иной популярный, особенно на фоне международных событий последних лет, подход состоит в том, что холодная война никогда не прекращалась и исподволь или напрямую продолжалась против России и ее союзников и после крушения СССР. Объяснения этого феномена не однородны: они включают идею извечного противостояния Запада и России во всех ее ипостасях, тезис об ослеплении США своим могуществом, иллюзии однополярного мира и «милосердной/добродетельной империи». Что касается прене-

¹ Мэтлок считает, что идеологически холодная война закончилась в 1988 г., ссылаясь на декабрьское выступление М.С. Горбачева в ООН, а на практике и к выигрышу обеих сторон - в 1989-1990 гг., имея в виду саммит на Мальте в декабре 1989 г. и позицию СССР в отношении Ирака в 1990 г.

брежения интересами России и в целом международным правом, то хорошо известны и эти аргументы: расширение Североатлантического альянса, его агрессия против Югославии, содействие западных спецслужб боевикам на Северном Кавказе в 1990-е гг., предоставление убежища на Западе беглым олигархам и тем же боевикам, вторжение в Ирак, цветные революции, выход США из договора по ПРО и т.д.

Более умеренная точка зрения исходит из того, что холодная война все же завершилась, но ее результаты и вытекающие из них обстоятельства не были зафиксированы какими-либо международными соглашениями, не была создана общеевропейская система безопасности. Вместо них на рубеже 1980-1990-х гг. имели место несколько разрозненных международных событий, которые можно интерпретировать как окончание холодной войны. Ситуация в чём-то схожая с понятием «английская неписаная конституция», которая издавна существует, но отсутствует как единый документ. В результате после развала СССР был открыт путь к произвольной трактовке событий тех лет. Так, в США почти монопольным стало утверждение и убежденность в том, что холодная война закончилась победой Америки, символом которой и стал распад Советского Союза. Немногочисленные голоса в США, включая посла Дж. Мэтлока, оспаривающие этот штамп, в расчет практически не принимались. НАТО продолжила свою деятельность, как и поиск своего *raison d'être*, который с завидным постоянством вновь и вновь сводился к сдерживанию России.

Из всех перечисленных тезисов о том, что холодная война вступила в стадию завершения в первую очередь в результате заключения ряда соглашений между СССР и США, представляется наиболее убедительным. Сделать это удалось с опорой на всю сумму позитива, накопленного в советско-американских отношениях после 1962 г. Что касается характеристики периода после 1991 года, то к нему наиболее применимо название «холодный мир». Другой вопрос - на каких условиях закончилась холодная война, по поводу чего существуют разные точки зрения, как и по вопросу о том, почему и по чьей вине мир без холодной войны не стал миром плодотворной конкуренции и сотрудничества. Окончанием холодной войны не удалось воспользоваться, чтобы в дальнейшем предотвратить сползание ситуации к новому витку конфронтации между рядом ведущих центров силы.

Важно подчеркнуть, что крушение Советского Союза не было вызвано самой холодной войной или её окончанием, более того - противоречило логике отказа от неё, проистекало из ряда совсем иных, внутренних проблем развития страны. Одновременно развал СССР ещё больше подчеркнул принадлежность холодной войны прошлому. Такой взгляд на историю позволяет сделать и следующий вывод - сосуществование СССР и США, мира капитализма и социализма было возможно вне формата холодной войны. Подтверждением этого в определённой степени служит пример современных отношений между США и Китаем, к которым термин «холодная война» не применяется. Кроме того, в истории разрядки был ещё один период, когда

холодная война могла остаться в прошлом, что, однако, в отличие от рубежа 1980-1990-х гг., к сожалению, не произошло. Об этом речь пойдет ниже.

Наконец, на Западе в начале 2010-х гг. закрепился еще один стереотип, затем подхваченный многими в России, о «новой холодной войне». Если принять его за чистую монету, то уже не столь важно, оканчивалась ли когда-либо холодная война или до поры до времени протекала в латентных формах и после распада СССР. Критики России указывают на «дело Литвиненко», мюнхенскую речь В.В. Путина в 2007 г., ввод российских войск в Грузию в 2008 г., события на Украине в 2014 г. и т.д. В ответ российская сторона применяет ко всем тем же событиям совсем иную интерпретацию, как и предъявляет Западу претензии в отношении интервенции против Югославии, разрушения государственности Ливии, Сирии, потворства националистическому перевороту на Украине, выхода из Договора об ограничении систем противоракетной обороне 1972 г. и Договора о ликвидации ракет малой и средней дальности 1987 г. Нельзя не отметить, что обоюдные обвинения в развязывании «новой холодной войны» во многом сродни спорам о том, на ком лежит вина за развязывание классической холодной войны. Разница состоит в том, что последняя была реальным историческим феноменом, тогда как «новая холодная войны» - термин, вводящий в заблуждение и искажающий реальное положение дел с опорой на псевдоаналогии с прошлым.

«Каким мы хотим видеть Европу в будущем?»

Не меньше спорных моментов, помимо начала и окончания (или не окончания) классической холодной войны, связаны с её внутренней периодизацией и трактовками событий в ходе неё. Однако практически нет исследований, ставящих под вопрос общепринятую в большинстве случаев аксиому, - холодная война началась во второй половине 1940-х гг. и продолжалась по крайней мере до конца 1980-х гг. как функция биполярного мира. Но имелись ли в ходе холодной войны моменты, развилки, неиспользованные возможности положить ей конец намного раньше и по-прежнему в условиях биполярного мира? Речь не идёт о надеждах, иллюзиях или оторванных от жизни умопостроениях, но о существовании реального шанса закончить холодную войну в 1970-е гг.

В истории классической холодной войны, при всей её сложности и многоголикосте™, были, на мой взгляд, два ключевых момента - Кубинский кризис 1962 года и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе с подписанием хельсинкского Заключительного акта в 1975 г. Представляется, что причинно-следственные связи между этими событиями достаточно очевидны. Последствия опасного кризиса 1962 года, включая изменения в мышлении политических и военных деятелей, дипломатов, в Хельсинки и непосредственно после окончания Совещания раскрылись полностью, переводя холодную войну, как минимум, в существенно новую плоскость.

Однако договорённости 1975 года, ознаменовав собой пик разрядки, свой потенциал раскрыли лишь частично. Детант в истории так и остался одним из периодов холодной войны, своего рода передышкой, её внутренним элементом, улучшившим ситуацию, но ненадолго. Детант не смог перерасти в нечто качественно новое, не смог вывести международные отношения за пределы холодной войны.

Хорошо известна аргументация тех, кто сдвигает её начало с 1945 г. на 1917 г. или даже на более ранние периоды. Не меньшее обоснование получили, особенно на Западе, доводы в пользу датировки сроков окончания холодной войны не перестроечными годами, а 1991 г., т.е. моментом распада СССР, как и, особенно в России, в пользу того, что она так и не прекратилась. Но есть ли основания полагать, что верхний рубеж холодной войны, если обозначать им стык 1980-х - 1990-х гг., с высокой вероятностью мог отодвинуться на более ранний период, конкретнее - на вторую половину 1970-х гг.?

Почему появилась возможность достичь разрядки, и как трактовать этот феномен?

Советский внешнеполитический курс во многом разрабатывался и определялся в министерстве иностранных дел, особенно с 1964 г., когда началась эпоха Л.И. Брежнева, которому были не свойственны импульсивность и волюнтаризм Н.С. Хрущева. Автономия МИД как игрока на поле советской внешней политики еще больше укрепилась после вхождения А.А. Громыко в состав Политбюро ЦК КПСС в 1973 г. Если бы в те времена использовали термины «ближнее» и «дальнее зарубежье», то первый применяли бы к странам социалистического содружества (членам Совета экономического взаимопомощи и Организации Варшавского договора) и социалистической ориентации, а второй - к буржуазным и тяготевшим к ним государствам. Наибольшую идеологическую окраску взаимодействие с зарубежными странами имело в советском «ближнем зарубежье», которое, помимо МИД, было «подопечной» территорией Международного отдела ЦК. Не раз именно идеология диктовала те или иные действия Москвы в этой сфере влияния, что нередко ставило Смоленскую площадь в сложное положение, придавало ей компенсаторную функцию, вменяло роль механизма минимизации репутационных и иных рисков для страны.

Однако отношения с тогдашним «дальним зарубежьем» при А.А. Громыко стали в основном прерогативой МИД. Это находило отражение и в том, что послами в эти страны министр стремился проводить только кадровых дипломатов, на чьи профессионализм и служебную дисциплину он мог положиться. Что касается выдвиженцев из среды крупных партийных работников, например, первых секретарей обкомов КПСС, Громыко особо ценил, когда такие деятели отклоняли лестные предложения руководства государства, что значительно облегчало ему задачу по назначению в ключевые столицы мира мидовцев.

Так, именно этим Е.К. Лигачев объяснял хорошее отношение к себе министра, который оценил его отказ в «самом начале» 1980-х годов от предло-

жения поехать в качестве посла в одну из «престижных европейских стран» с поста первого секретаря Томского обкома. Соответствующее предложение на Политбюро внесли М.А. Суслов и К.В. Русаков и оно было утверждено. Е.К. Лигачев пишет по поводу того эпизода в своей жизни: «В МИДе я ни у кого побывать не успел... Но Громыко, видимо, хорошо помнил всю историю и мой отказ воспринял по-своему. Андрей Андреевич предпочитал направлять послами профессиональных дипломатов... Но аппарат ЦК порой навязывал ему иные кандидатуры. Мой категорический отказ работать за границей... был, видимо, единственным в своём роде. И он крепко запал в память Громыко» [20:18-19].

Законодательно ведущая роль МИД во внешней политике государства была закреплена, например, в законе о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР от 6 июля 1978 г. Громыко так разъяснял его суть: «Предложения о заключении международных договоров Союза представляются как Министерством иностранных дел СССР, так и другими министерствами, государственными комитетами и ведомствами, но совместно с МИД СССР или по согласованию с ним, а исключение сделано лишь для министерства внешней торговли и двух государственных комитетов Совета Министров СССР - по внешним экономическим связям и по науке и технике» [17:557].

Несколько десятилетий одним из важнейших источников, разъяснявших стратегические подходы советской внешней политики, были выступления министра иностранных дел на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. За редким исключением в период 1957-1985 гг. именно он на открытиях Генеральной Ассамблеи ООН выступал от имени Москвы, что подчеркивало роль МИД в проведении внешней политики государства. За пределами Советского Союза эта трибуна была самой важной для Смоленской площади. После своего создания в 1945 г. ООН стала для СССР важнейшим институтом мировой политики, местом решения центральных вопросов международной безопасности.

Конечно, такие выступления всегда готовились с оглядкой на партийное руководство, на решения и постановления съездов и пленумов КПСС. Но по существу в значительно большей степени они были ориентированы на иностранную аудиторию, решали как прикладные, так и концептуальные задачи внешней политики страны, были постоянным рупором ее фундаментальных положений и одновременно инструментом внешнеполитических новаций и лоббирования новых инициатив. Практически в каждом выступлении содержалась изрядная аналитическая составляющая, своего рода ревизия расстановки сил на мировой арене. К написанию текстов под руководством министра привлекались многочисленные специалисты, каждый раз велась скрупулезная и тщательная работа, длившаяся многие недели, причем непременно сохранялся хорошо выраженный авторский стиль А.А. Громыко.

Анализ его выступлений на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН позволяет составить ясную картину того, каких методов в проведении внешней по-

литики он придерживался и какие принципы продвигал. Неизменной была установка на сдержанность в ведении мировых дел, на хладнокровие и прагматизм, на поиск развязок и компромиссов. А.А. Громыко был таким же человеком принципа, как и прагматизма. Кстати, установка на «принципиальный прагматизм» намного позже в истории станет одной из основ деятельности такой организации, как Европейский союз. Такое сочетание подходов, во многом сформировавших «фирменный» стиль дипломатии Громыко, может объяснить не только чертами характера и профессиональными навыками, приобретенными им уже во взрослый период жизни, но и обстоятельствами детства, которое он провел в среде ветковских староверов [9:12-13].

Одной из составляющих основ успеха в дипломатии А.А. Громыко считал взаимность. Известный метод советского министра так назывался - «политика взаимного примера», когда «государства не заключают формальных соглашений, а принимают соответствующие меры параллельно, на основе взаимопонимания, как бы глядя друг на друга» [17:19]. Большим подспорьем для достижения целей советской внешней политики стало положение, закрепленное с 1956 г. в партийных документах, об отсутствии фатальной неизбежности мировой войны [21: 7, 10-13, 15], что соответствовало мировоззрению исторического оптимизма самого Громыко, его нацеленности на дипломатию позитивного действия. Он считал, что неразрешимых международных проблем не существует, но их решение должно выстраиваться исключительно на основе все той же взаимности.

Другим мотивом его выступлений был тезис о том, что идеологические расхождения между государствами не должны служить источником войн и конфликтов. Именно этот тезис красной нитью проходил через все дипломатическое творчество А.А. Громыко. Вообще идеологическая составляющая в отношениях между странами, даже социалистическими, понималась им достаточно прагматично. Так, под «дружбой братских народов» он подразумевал не только социалистический патриотизм и пролетарский интернационализм, но и более «осязаемые» вещи - наличие у стран СЭВ высокоразвитой индустрии, мощного промышленного и научно-технического потенциала, комплексной программы экономической интеграции [17: 400]. То есть речь, по сути, шла о такой идеологии, которая являлась не самоцелью, а идеологическим атрибутом передовой модели политического и социально-экономического развития.

В дипломатической работе, особенно когда речь шла о крупных вопросах, отвергались методы наскока, кавалерийской атаки, импровизации, решения проблем одним махом. А.А. Громыко призывал «не провозглашать тезис "всё или ничего", а отбирать одну за другой те проблемы, по которым согласие достижимо уже на данном этапе и решать их» [17: 288]. Одним из немногих догматов, которыми он руководствовался на этом пути, был железобетонный принцип равной безопасности.

¹ «Принципиальный прагматизм» стал одной из доктринальных основ Глобальной стратегии ЕС, опубликованной в июне 2016 г.

А.А. Громыко отличал аналитический склад ума, он считал чрезвычайно важным выстраивать внешнюю политику на научной основе в самом широком смысле этого слова. До того, как в 1939 г. он неожиданно для себя оказался на дипломатической работе, Андрей Андреевич прошел достаточно большой путь в науке: с 1934 г., после переезда из Минска в Москву, работал в Институте экономики АН СССР, в 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Впоследствии, незадолго до назначения министром иностранных дел в феврале 1957 г., ему присвоили степень доктора экономических наук. Многолетние занятия наукой, бесспорно, наложили свой отпечаток на всю последующую деятельность министра. Судя по всему, именно эта сторона его наклонностей и образования определили неприятие торопливости и прямолинейности в решении тех или иных внешнеполитических задач. Он был глубоко убежден, что дипломатия - это наука и искусство, что международные отношения - сложная материя, не терпящая поверхностного отношения, что они непрерывно усложняются. «Общее состояние дел в мире, - говорил Громыко в ООН в сентябре 1974 г., - складывается под воздействием огромного числа факторов - от политических и военных до национальных и даже психологических. Они с трудом поддаются однозначной оценке... В определенном смысле проблемы, с которыми приходится сталкиваться сегодня, не проще а... сложнее, чем вчера» [17: 356-357].

Постоянно в выступлениях А.А. Громыко звучал тезис о разумном балансе интересов сторон, он был привержен политике здравого смысла, дипломатии как искусству возможного, инструменту достижения равновесного состояния международных отношений с опорой на систему сдержек и противовесов. Да, в исторической перспективе социализм должен был победить, но не силой или угрозы силой, а своим примером и большей привлекательностью модели развития. Итоги Хельсинкского совещания в 1975 г. он характеризовал на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как тщательно взвешенный баланс, обоснованный компромисс. В области разоружения он отмечал необходимость «реалистического подхода», призывал к поиску таких решений, которые становятся «практически достижимой задачей» [17: 440, 448]. Такие формулировки близки категории *Realpolitik*, но не совпадают с ней. Она, как правило, ассоциируется с циничным прагматизмом, свободным от идеалов, тяготением к установке «цель оправдывает средства». Для Громыко идеалы в жизни играли огромную роль, но при проведении внешней политики они не превращались в догмы, а находились в рамках здравого смысла.

Он прекрасно понимал, что достижимость целей дипломатии во многом определяется внутренними ресурсами государства, «трудом всех наших людей, всем могуществом нашего социалистического народного хозяйства», что министр раз публично подчеркивал, выступая как в СССР, так и за рубежом. Реализм Громыко в соотношении внешнеполитических возможностей страны и подкрепляющих их ресурсов проявлялся и применительно в отношении развивающихся стран; он хорошо понимал пределы возможностей страны в деле поддержки союзников и государств социалистической ориентации.

«Оказывая им значительную и эффективную материальную помощь, - писал он о развивающихся странах в 1976 г., - Советский Союз, социалистическое содружество в целом не могут, естественно, нести ответственность за продолжающееся и поныне оставаться чрезвычайно трудным экономическое положение, в котором молодые государства оказались» [17: 436, 476 - 477].

Нацеленность на практический результат, на прагматизм в международных отношениях соседствовали в советской внешней политике эпохи А.А. Громыко с постановкой масштабных задач, во многом опережающих свое время. Но делалось это опять же исходя из вполне конкретных соображений - большие цели достигаются в ходе длительной и тщательно выстроенной работы, на которую может уйти не один год, а может быть, и не одна пятилетка. Такими были идеи общеевропейского совещания по безопасности, крупные соглашения по контролю над вооружениями, налаживание отношений между СЭВ и Европейским экономическим сообществом.

Соглашение между СССР и ЕЭС о торговом и коммерческом и экономическом сотрудничестве было заключено в декабре 1989 г., а саму идею советское руководство с подачи МИД выдвинуло в середине 1970-х годов. В 1976 г. Громыко писал: «В целях дальнейшего развертывания плодотворного международного экономического сотрудничества... СССР вместе с другими странами - членами СЭВ предложили заключить соглашение об основах взаимоотношений между СЭВ и Европейским экономическим сообществом» [17: 476]. Более того, в той же статье советский министр перечислил и такие общеевропейские инициативы, как сотрудничество в вопросах охраны окружающей среды, создание трансъевропейских водных и сухопутных магистралей, создание общеевропейских энергетических систем и многое другое. Тогда соглашения между двумя интеграционными группировками достигнуто не было; в новой форме аналогичный вопрос ставится уже в наши дни, имея в виду сотрудничество между ЕС и Евразийским экономическим союзом. Другие советские внешнеполитические инициативы середины 1970-х гг. во многом были предтечей современной концепции Европы от Лиссабона до Владивостока.

Основопологающим принципом советской дипломатии тех времен был отказ от применения силы или угрозы таковой, решение проблем за столом переговоров, мирными средствами. А.А. Громыко многократно призывал возвести его в закон международной жизни. На это была направлена инициатива по заключению Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. Конечно, речь шла не о пацифизме, не о запрете на использование силы для отражения агрессии или ее последствий. Так, легитимным в глазах Советского Союза было право на борьбу колониальных народов [17:487].

Курс на новое качество международных отношений

В первой половине 1970-х годов сам контекст международных отношений способствовал выходу на «большое соглашение». Эта стратегическая идея советской дипломатии родилась еще во второй половине 1950-х годов, но ее реализация потребовала многих лет работы и возникновения всей суммы необходимых для этого обстоятельств. Большая дестабилизация, выражаясь современным языком, - война во Вьетнаме, новое столкновение между Израилем и арабскими государствами («война Судного дня»), первый мировой энергетический кризис - потребовали новых подходов в мировой политике. Не менее важно, что западноевропейские государства стремились обеспечить благоприятные внешние условия для своей внутренней модернизации. Ведущие державы пришли к пониманию того, что в интересах всех в рамках послевоенного международного права договориться об общих принципах взаимоотношений и создать панъевропейскую переговорную площадку в виде Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

Одной из ключевых предпосылок для успеха хельсинкского проекта было решение германского вопроса. Московский договор 1970 г. между СССР и ФРГ открыл этому путь. Сутью замысла советской стороны стало закрепление послевоенных границ в Европе; это была программа минимум с точки зрения стратегических интересов Советского Союза. Она была успешно реализована. Не удалось претворить в жизнь, или точнее сказать - предотвратить быстрое свертывание нового уровня взаимодействия, программу максимум - переход к новому качеству отношений с капиталистическими странами. Но и успех в главном пункте, интересовавшем советскую сторону, А.А. Громыко считал одним из наиважнейших достижений советской дипломатии. Не случайно он называл этот вопрос «душой» Московского договора [9: 468].

Немногие из специалистов знают, когда началось практическое осуществление инициативы СССР по созыву общеевропейского совещания, первый этап которого открылся в 1973 г. Произошло это задолго до триумфа коллективного разума в Хельсинки. В апреле 1966 г. советский министр совершил визит в Рим, в ходе которого состоялись переговоры с премьер-министром Италии А. Моро и министром иностранных А. Фанфани. Именно тогда А.А. Громыко впервые осуществил зондаж идеи СБСЕ, получив предварительную поддержку. Правильность его расчета подтвердилась - Италия неизменно играла конструктивную роль во всем последующем процессе [16: 13-14]. Верно были оценены в целом подходы Италии к развитию отношений с Советским Союзом, так и персональные качества такой незаурядной фигуры, как Альдо Моро, к которому Громыко питал большое уважение.

Еще раньше, в сентябре 1965 г., на XX сессии Генеральной ассамблеи ООН, А.А. Громыко, поднимая вопрос о послевоенных границах в Европе, впервые озвучил следующий тезис: «Советский Союз последовательно выступает за согласование и объединение усилий европейских государств в интересах их безопасности, за развитие сотрудничества между ними на общеевропей-

ской основе» [17: 26]. Именно в тот период советская дипломатия приступала к закрытым консультациям о проведении общеевропейского совещания.

Всестороннее отношение СССР к СБСЕ было раскрыто в выступлении А.А. Громыко 3 июля 1973 г. на открытии совещания в Хельсинки. Он отметил, что впервые в послевоенной истории континента за одним столом собрались европейские государства, США и Канада. Как известно, совещание проходило в три стадии. Советский министр заранее называл третий этап, на котором руководители государств должны были подписать итоговое приглашение, не иначе как «кульминационным» [17: 269-270].

Необходимо отметить целый ряд моментов в международных отношениях, благоприятных для запуска хельсинкского процесса. Это были и прекращение войны во Вьетнаме, и достижения на пути сдерживания гонки вооружений: Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., конвенция о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 г., подписание ОСВ-1 в 1972 г. и тогда же начало консультаций по ОСВ-2. Советский Союз считал, что все эти и ряд других достижений могут привести к кумулятивному эффекту и позволить развить успех в деле нормализации международных отношений. 30 октября 1973 г. начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. СССР активно призывал выполнить решение ООН, которое в свое время он же с успехом и продвигал, о созыве Всемирной конференции по разоружению. Как никогда были благополучны отношения Москвы с Вашингтоном, Парижем, Бонном, Римом. В октябре 1971 г. Л.И. Брежнев и президент Франции Жорж Помпиду заключили соглашение о принципах сотрудничества между СССР и Францией, а в мае 1972 г. советский руководитель и президент США Ричард Никсон подписали соглашение об основах взаимоотношений между СССР и США.

Хотелось бы заострить внимание на следующем моменте. Принципиально важно, что Москва рассматривала всю сумму тогдашних обстоятельств в мировых делах как возможность не только сделать «холодную войну» менее опасной, но закончить ее, достичь нового качества международных отношений. Приведем следующий тезис из выступления А.А. Громыко 3 июля 1973 г.: «Если вдуматься в значение перемен, происходящих в международных делах, осмыслить их направленность, то нельзя не прийти к выводу, что в настоящее время закладываются основы для новых мирных отношений между государствами на исторически обозримый период» [17: 272].

В этой же речи была использована редкая для тех времен категория (как, впрочем, и для нынешних) - «доверие». На им самим поставленный вопрос «какой мы хотим видеть Европу в будущем?» советский министр ответил: «Прежде всего Европой мира, континентом, из жизни народов которого агрессия была бы исключена навсегда. Мы стремимся к тому, чтобы доверие и взаимопонимание позволили постепенно преодолеть разделение континента на военно-политические группировки. Отношения между всеми европейскими государствами должны стать отношениями мирного и взаимовы-

годного сотрудничества». Причем Громыко считал, что не договоренности следуют за доверием, а доверие возникает и крепнет в процессе переговоров и достижения соглашений. В 1975 г. он пишет о значении хельсинкского Заключительного акта: «В результате совещания была достигнута новая степень доверия между государствами вследствие некоторых договоренностей, дополняющих разрядку политическую разрядкой военной» [17: 273,418].

Большие ожидания Москвы не были риторическими или сиюминутными. В течение нескольких лет руководство СССР было уверено в высоких шансах достичь нового качества международных отношений, вплоть до того, чтобы покончить с «холодной войной». В выступлениях Громыко эта идея под тем или иным ракурсом звучала тогда многократно. Так, в его докладе в ноябре 1974 г. на торжественном заседании, посвященном 57-й годовщине Октябрьской революции, говорится: «Есть все основания сказать, что в наши дни выходит на более широкий простор процесс перестройки межгосударственных отношений». И далее: «По понятным причинам особое значение имеет улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки» [17: 381].

Последняя фраза для того времени имела принципиальное значение. Принято считать, что во внешней политике СССР весь послевоенный период делал упор на отношениях с США. Такое впечатление проистекало из того, что мир после 1945 г. стал биполярным, да и сам А.А. Громыко восемь лет провел в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке - с 1939 г. по 1948 г., и в первую очередь был знатоком именно этой страны. На деле приоритет американского направления в советской внешней политике формировался длительное время, особенно после Карибского кризиса. Как инструмент урегулирования и закрепления международных отношений нового типа, такой подход стал проявляться только в начале 1970-х гг. До тех пор советская внешняя политика в центре своего внимания держала Европейский континент.

После 1973 г. А.А. Громыко не раз высказывался о «холодной войне» как о странице прошлого. В упомянутом выступлении в ноябре 1974 г. он говорил: «Мы не должны закрывать глаза на то, что имеются еще влиятельные силы, которым хотелось бы вернуть мир к временам "холодной войны"». Очевидно, что к ней министр относился как к прошедшему этапу или, по крайней мере, он считал необходимым постоянно озвучивать этот тезис. Еще одна шпата, подтверждающая это положение, из его доклада в мае 1975 г. на торжественном собрании по случаю 20-летия Варшавского Договора: «Вспомним, как складывалось положение в Европе и за ее пределами, когда заключался Варшавский Договор. То был период "холодной войны", навязанный наиболее агрессивными силами империализма» [17: 385, 389].

Из выступления А.А. Громыко на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1975 г.: «Заключительный акт совещания... - один из самых выдающихся документов нашего времени. Народы Европы связывали в большей мере с совещанием надежду на то, что Европейский континент сможет наконец вырваться из порочного круга своей истории... Итоги совещания

являются тщательно взвешенным балансом интересов всех участников и выражают общеприемлемые договоренности и обоснованные компромиссы. Есть все основания заявить, что опыт совещания должен найти самое широкое применение для урегулирования вообще назревших проблем современности». И далее: «Шаг за шагом избавляются страны Азии, Африки и Латинской Америки от последствий "холодной войны" с ее уродствами в политике». Для советского руководства весь хельсинкский процесс был как бы переутверждением на новом историческом этапе вестфальских принципов. В подтверждение этого приведем следующие слова А.А. Громыко: «Договоренности, достигнутые в итоге совещания, основаны на признании всеми его участниками той непреложной истины, что уважение суверенного равенства государств, неприменение силы, нерушимость границ, территориальная целостность, невмешательство извне во внутренние дела... - закон, который недано преступить никому» [17: 439 - 440, 442].

Эти настроения и ожидания Москвы, основанные на уверенности в том, что принципиальное изменение международных отношений возможно в условиях мирного сосуществования, продержались достаточно долго. Через два года после подписания Заключительного акта А.А. Громыко выступает в сентябре 1977 г. на XXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН и приводит слова из речи Брежнева в январе в Туле, которые он и вложил в нее: «Разрядка - это прежде всего преодоление «холодной войны», переход к нормальным, ровным отношениям между государствами... Разрядка - это определенное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга». Более того, в ситуации нового качества международных отношений в Москве были готовы идти даже дальше до тех пор непрерываемого принципа мирного сосуществования. На пресс-конференции в Москве в марте 1977 г. А.А. Громыко так рассуждал о желательном характере отношений СССР и США: «Мы... хотели бы видеть стабильность в наших отношениях... основанных на принципах мирного сосуществования. А еще лучше - дружественными» [17: 501, 498]. Взаимное признание характера советско-американских отношений как дружественного подтолкнуло бы обе стороны к пересмотру и соответствующих идеологических установок, в СССР - принципа мирного сосуществования, в США - взгляда на сотрудничество с советами как неизбежное зло. Позже, в 1990-е гг. и в самом начале XXI в. ситуация тех лет по-своему повторится; вновь появится возможность перейти к новому качеству отношений между Россией, США и Западом в целом в условиях отказа от устаревших идеологических постулатов и снятия кардинальных различий общественно-политических систем. Она вновь не будет использована.

Возможности и практика преодоления холодной войны имели место, по крайней мере, до 1978-1979 гг. Важным шагом в закреплении накопленного позитива было подписание Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Однако он не был ратифицирован Соединенными Штатами. Почему был сорван этот процесс? К тому времени разногласия по размещению в Европе новых ракет меньшей и средней дальности

еще окончательно не обрели той остроты, которая стала присуща им позже; ввод советских войск в Афганистан произошел в самом конце 1979 г. и его последствия требуют отдельного анализа. Но бесспорно то, что американцы с весны 1978 г., после Апрельской революции, вели активную работу с афганской оппозицией на территории Пакистана. В мае 1978 г. НАТО приняла решение об увеличении военных бюджетов стран-членов в течение пятнадцати лет. В декабре следующего года, еще до направления советских войск, Дж. Картер одобрил «пятилетку» наращивания военного потенциала США до беспрецедентного уровня [9: 310]. Эти шаги в военной области воспринимались в Москве крайне болезненно. Что касается семейства ракетного комплекса «Пионер», то достоверно известно, что решения о размещении ракет РСД-10 и их последующих модификаций принималось без согласования с МИД СССР, а дипломаты, которые вели переговоры по разоружению, долго не имели об этом адекватных данных.

Таким образом, достаточно очевидно, что в рассматриваемый период советское руководство, во-первых, воспринимало разрядку не как более благополучный этап холодной войны, а как ее преодоление. Во-вторых, разрядка, не предполагая снятия мировоззренческих противоречий между системами, веда, по мнению Кремля, к установлению тесного сотрудничества в рамках нового модус вивенди, нового равновесия сил, основанного на компромиссах и учете интересов друг друга и даже на доверии. Категория мирного сосуществования не рассматривалась Москвой как препятствие для перехода международных отношений к новому качеству. Решить вопрос о первенстве в конкуренции между двумя социальными системами должны были не сила и принуждение, а большая эффективность и привлекательность той или иной политической и социально-экономической модели развития - тема вполне актуальная и для первой трети XXI в.

Конечно, рассуждения о том, как те или иные возможности были упущены в разные исторические периоды, традиционно уязвимы для критики, если исходить из принципа «у истории нет сослагательного наклонения». Однако представляется, что в 1970-е гг. страны социалистического содружества и Запад во главе с США на деле приступили, пусть и на короткое время, к преодолению «холодной войны». В дипломатической, политической, экономической практике такое преодоление обрело реальные черты. Поэтому сослагательность относится не столько к тезису о том, что холодная война прекратилась (временно, как оказалось позже, т.е. по факту она приостановилась), а к тому, как развивались бы события, не случись ее рецидив. Этот термин, заимствованный из медицины, наталкивает и на другой - патоген, т.е. фактор, вызывающий заболевание или его возобновление.

Возобновление «холодной войны» в начале 1980-х годов, было вызвано множеством причин. Но главный патоген, от которого не удалось до конца избавиться отношения между соперниками по «холодной войне», крылся не в дипломатической, экономической и даже не в политической сферах. Он паразитировал на идеологической инерции, на медленности психологической

перестройки лидеров биполярного мира и не в последнюю очередь на интересах военно-промышленных комплексов. Не менее важным и пагубным оказалось то, что на «излечение» просто не хватило времени; обе стороны совершили ошибки, перечеркнувшие завоевания разрядки.

Список литературы/References

1. Громыко Ал.А. Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. 2016. № 4. С. 6-20.
2. Thomson K.W. Cold War Theories. Volume 1. World Polarization, 1943-1953. 1981. Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1981. 221 p.
3. Crockatt R. The Fifty Years War: the United States and the Soviet Union in World Politics, 1941-1991. London: Routledge, 1995. 448 p.
4. Westad O.A. (ed.) Reviewing the Cold War. Approaches, Interpretations, Theory. 2000, London and New York: Routledge, 2000. 382 p.
5. Согрин В.В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 36-52.
6. Weisberger Bernard A. Cold War, Cold Peace. The United States and Russia since 1945. New York: American Heritage, 1984. 341 p.
7. Громыко Ал.А. Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? М., СПб.: Нестор-История, 2016. 236 с.
8. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешняя политика и безопасность Запада. М: Академический Проект, 2005. 864 с.
9. Громыко Ал.А. Памятное. Книга первая. М.: Издательство политической литературы, 1988. 479 с.
10. Gaddis J.L. We Now Know; Rethinking Cold War History. Oxford: Clarendon Press, 1997. 434 p.
- И. Последнее интервью Андрея Андреевича Громыко. Громыко Ал.А., отв. ред. Москва, Ассоциация внешнеполитических исследований им. Ал.А. Громыко, Институт Европы РАН. Весь Мир, 2019. 40.
12. Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 31-66.
13. Matlock Jack F., Jr. How Myths and False Ideologies Led America Astray - and How to Return to Reality. Yale University Press, 2011. 344 p.
14. Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений. (1975-1991). М.: 2006. 336 с.
15. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 402-409.
16. Громыко Ал.А. Памятное. Книга вторая. М.: Издательство политической литературы, 1988. 414 с.
17. Громыко Ал.А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1978. 599 с.
18. Сергеев Р.А. В МИД СССР. На Кузнецком Мосту и Смоленской площади. М., 2007.

19. *Фурсенко А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018.
20. *Лигачев Е.К.* Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992.
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М., 1986.